

Tatjana Nikolajewa

Морфема как объект лингвистических исследований : (Бодуэн де Куртенэ и современная Казанская лингвистическая школа)

Acta Polono-Ruthenica 5, 305-313

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Tatjana Nikołajewą
Katedra Języka Rosyjskiego
Kazański Państwowy Uniwersytet

**Морфема как объект лингвистических исследований
(Бодуэн де Куртенэ и современная Казанская
лингвистическая школа)**

Морфема - одно из самых неясных
понятий во всей лингвистической
литературе

Ян Босак (5, с. 16)

Известно, что в свое время Бодуэн де Куртенэ четко указал на основные направления и принципы языкознания, как-то: „важность различения фонетической и морфологической делимости слов”, „важность различения фонетических и морфологических частей слова”, „великая важность анализа и разложения сложных единиц на их отличительные признаки” [2, с. 52]. Известно также и то, что ученый ввел в славянское языкознание термин „морфема”, который был заимствован у него французскими лингвистами (вспомним письмо А. Мейе: „Для перевода слова *formans* я заимствовал у Вас милое словечко »морфема«, которое предложил переводчикам” [17, с. 56]). И тем не менее, несмотря на то, что еще в конце XIX века были сделаны первые разработки в области науки о морфеме, проблема ее дефиниции, членения, отношения к слову до сих пор далека от ясности и единства интерпретации. Свидетельством тому – разночтения в определении самого понятия морфемы в трудах ученых Пражского лингвистического кружка, дескриптивистов, советских ученых, а также в морфологических словарях, вышедших за рубежом в 70-е годы нашего столетия [13].

Обычно утверждают, что открытие морфемы совпало с казанским периодом деятельности Бодуэна – концом 70-х годов [12]. Однако необходимо заметить, что первое упоминание о морфеме относится к 1868 году, когда ученый написал статью *Некоторые*

случаи действия аналогии в польском склонении, напечатанную два года спустя в немецком журнале „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung” (№ 6, Берлин). Об этом позднее говорил и сам Бодуэн, анализируя новейшие лингвистические труды В. А. Богородицкого: „Взгляд профессора Богородицкого, что »морфемы или морфологические части не суть фикции, но действительные части слов«, я тем более считаю верным, что сам положил его в основание одной из своих работ..., напечатанной еще в 1868 г.” [4, с. 127].

В одном из первых трудов казанского периода – *Подробная программа лекций* находим указание, что слова делятся на морфологические слоги, или морфемы [3, с. 79]. Три года спустя в статье *Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков* ученый пишет о морфеме как неделимой далее морфологической единице языка [3, с. 121]. Как видим, в этих первых определениях статуса морфемы пока еще отсутствует указание на главное – ее семантическую значимость.

В 1888 году появляется статья *Николай Крушевский, его жизнь и научные труды*, где морфеме отводится место среди языковых единиц, выделенных с точки зрения семантической наполненности: „Членение слов на морфологические части не может быть делением на голые, не имеющие значения звуки. Морфемы и звуки являются, так сказать, несоразмерными языковыми величинами... Нужно сначала лишить морфему ее ассоциативного, то есть значимого характера, а только после совершения этой операции приступить к делению ее на звуки”. Бодуэн критикует Н. Крушевского за то, что тот, разделяя морфемы на звуки, совершает в делении „неоправданный и противоречащий логике прыжок, раскладывая целое на части, не соизмеримые с ним, разноименные”. В результате ученый приходит к выводу: слова состоят из морфологически и семасиологически неделимых единиц, которые мы называем морфемами [4, с. 59].

Из сказанного следует, что морфема: а) живая единица языка, наделенная значением, б) образующий элемент слова, зависимый от слова, в) элемент слова, имеющий звуковое выражение, г) простейшая минимальная единица, далее не делимая с морфологической точки зрения. К этому можно добавить обобщающий характер морфемы для всех значащих морфологически выделяемых компонентов слова – корня и аффиксов, т.е. морфемы, выступающей как родовое

понятие [4, с. 250].

По достоинству оценивая широкие спектры определения морфемы, современные казанские ученые считают необходимым внести комментарии к некоторым положениям учения Бодуэна о морфеме.

Прежде всего, обращает на себя внимание указание на минимальность, неделимость морфемы, которое многие ученые приняли слишком прямолинейно, связывая минимальность с неделимостью в формальном плане. При этом, как правило, игнорировалась значимая, содержательная сторона морфемы (см., например, понятие морфемы как морфологической единицы, не делимой на более мелкие элементы в трактовке большинства представителей Пражской лингвистической школы; этот же признак нечленности – в известном высказывании Блумфилда, профилирующий в концепции ученика Соссюра Афрея [14]).

Вместе с тем, при более пристальном прочтении высказываний Бодуэна де Куртенэ оказывается, что минимальность отнюдь не означает нечленности морфемы вообще, о чем он писал: „Если морфему можно делить дальше на ее составные части, то эти составные части должны также иметь значение, в них должна пульсировать психическая жизнь” [4, с. 18]. Именно то, что все формальные элементы языка связываются с определенным значением, наполнены определенным содержанием, делает их социально значимыми, закрепляет их как постоянные, стойкие элементы языка. Таким образом, в свете учения Бодуэна де Куртенэ морфемы можно делить только на значимые единицы, т.е. только на явления того же порядка.

Следует отметить некоторые противоречия в вопросе взаимоотношения фонем (звуковых элементов) и морфем. Утверждая, что „фонемы и вообще все произносительно-слуховые элементы не имеют сами по себе никакого значения” и „могут рассматриваться лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы” [3, с. 276], Бодуэн постоянно повторяет, что морфема – простейшая единица, которая разлагается на части, т.е. на фонемы, кинемы, акузмы, кинакемы, морфологизированные и семантизированные [4, с. 311]. Вместе с тем, приписывать значение кинемам, акузмам и подобным элементам вряд ли оправдано, поскольку, во-первых, они выполняют чисто артикуляционно-произносительную функцию,

и, во-вторых, как утверждает сам автор, входя в структуру морфемы, эти компоненты никогда не выступают самостоятельно. Однако мысль о том, что отдельные произносительные элементы могут семасиологизироваться и морфологизироваться, к сожалению, не нашедшая развития в его работах, заслуживает внимания.

Эта идея была развита учеником Бодуэна де Куртенэ А. И. Анастасиевым, который писал, что „морфологические единицы не суть величины постоянные, неизменяемые и неподвижные..., они модифицируются под условиями жизни языка как со стороны своего фонетического состава, так и относительно значения” [1, с. 28]. Своеобразная преемственность этой концепции на современном уровне обнаруживает себя в исследовании проблемы формирования самостоятельных морфем на основании противопоставления фонем морфем, традиционно именуемых вариантами (см. современные грамматики русского языка), которые в результате фонетических изменений, обусловленных отсутствием конечного гласного в структуре указанной приставки, при активности морфолого-семантических факторов, выступают в качестве различных словообразующих морфем с различными функциями: ср.: **обчистить** – **очистить**. То же – в отношении глагольных суффиксов: **-ануть**, противопоставленного **-нуть**: **стукануть** – **стукнуть**, **толкануть** – **толкнуть**, которые функционируют как самостоятельные словообразующие морфемы [7, с. 3-20].

Современные казанские лингвисты, полагая, что определение морфемы как минимальной значимой единицы не отражает всех ее существенных признаков, уточняют и расширяют понятие морфемы, данное Бодуэном де Куртенэ, и предлагают следующее определение: морфема – это „элемент слова или формы, отражающий определенное типовое значение в ряду родственных образований и служащий для возникновения новых слов или форм в результате так называемой аналогии” [2, с. 102]. Тем самым 1) морфема впервые понимается как элемент формы или слова (в двух системах), 2) вводится понятие родственных слов или форм с одним и тем же формантом, 3) впервые вводится понятие типового значения в 2-х системах: **-тель** – **учитель**, **мучитель**, **предатель** – лицо по действию; **без...н(ый)** – **безумный**, **безыдейный**, **бесхарактерный**, **бездомный** – признак, указывающий на отсутствие того, что содержится в производящей основе; **Ø** - **столØ**, **братØ** – показатель

грамматического значения именительного падежа единственного числа существительных мужского рода, 4) впервые указана функциональная назначенность морфемы: она служит для возникновения новых слов и форм; 5) введено важное в языкознании понятие – аналогии (уподобления).

Что касается концепции неделимости морфемы, то она была использована современными учеными Казанского университета в качестве основы при разработке проблемы единой, но прерывистой морфемы – конфикса в плане его участия в едином акте словопроизводства и выражения типового словообразовательного значения: **пододеяльник, подсвечник, подрамник, подстаканник** и др.

По Бодуэну, морфемы вообще могут не быть представлены в слове. Речь идет о нулевой (материально невыраженной) морфеме, которая функционирует в оппозиции с ненулевой (материально выраженной). Таким образом, заслуга введения понятия нулевой морфемы принадлежит также Бодуэну де Куртенэ, хотя следует признать, что морфема с отсутствующей звуковой оболочкой рассматривается им только как показатель определенного грамматического значения: „Кроме морфем, состоящих из определенной... произносительно-слуховой величины, мы должны принять непременно тоже морфемы »нулевые«, т.е. лишенные всякого произносительно-слухового состава и тем не менее ассоциируемые с известными семасиологическими и морфологическими представлениями. Так, например, слова *дом, стол, воз, пруд, край*, несмотря на их видимую одноморфемность, надо непременно считать двухморфемными, т.е. состоящими из основы произносительно-слуховой величины и из окончания нуль или морфемы нуль” [3, с. 283]. Позднее ученый укажет на принцип выделения нулевой морфемы: сопоставленность с морфемами, „обладающими отчетливым произносительно-слуховым составом” [4, с. 34].

В современном языкознании приоритет в утверждении нулевого показателя как семантически значимого словообразующего аффикса обычно отводится В. В. Лопатину. Однако за 10 лет до опубликования им статьи, посвященной этому вопросу [6], казанский ученый В. М. Марков впервые доказал необходимость выделения нулевой морфемы в системе словообразования на примерах противопоставленности производных и непроизводных основ (*переезд – уезд*), нулевые показатели которых выступали как выразители слово-

образовательного и грамматического значений. Тем самым В. М. Марков определил связь и параллелизм процессов слово- и формообразования [9, с. 301]. В следующей статье 1961 года им представлено более аргументированное доказательство функционирования материально не выраженного аффикса как значимого элемента в системе словообразования [10, с. 16].

Заметим, что признание нулевой морфемы как выразителя словообразовательного значения утверждалось неоднозначно, в сложной дискуссии с оппонентами, в частности с Н. М. Шанским, считающим образования типа *выход* → *выходить*, *рассказ* → *рассказывать*, *тишь* → *тихий*, *бездарь* → *бездарный* и др. бессуффиксными, т.е. образованными без морфем [16, с. 36]. Однако с точки зрения казанцев, „подобный взгляд на вещи противоречит как синхроническому пониманию проблемы, так и историческому подходу к ней” [2, с. 125]. Закономерность существования нулевых морфем в двух системах казанские лингвисты связывают с обусловленностью различного рода фонетико-морфологическими процессами, протекающими в слове в историческом аспекте. Так же, как в системе формообразования, где падежные окончания выражались редуцированными, а после их падения, утратив материальное выражение, окончания остались, в системе словопроизводства носители словообразовательной семантики лишились внешнего звукового выражения. Однако при неутраченной производности слово, созданное по модели, входя в ряд аналогичных дериватов, должно было выражать типовое значение. Эту функцию выполняла нулевая морфема. В истории языкового развития наиболее продуктивными были нулевые отглагольные имена, которые 1) активно участвовали в распространении флексии -у в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода, о чем впервые сказал В. М. Марков [8, с. 53]. Эти имена – свидетельство грамматических процессов, проходивших на словообразовательной волне, иначе говоря, связи формо- и словообразования, благодаря чему словарный запас пополнился за счет новых имен, созданных по аналогии с образованиями, имеющими определенные грамматические показатели; 2) составляли пласт стилистически маркированной лексики, демонстрируя близость к народно-разговорной разновидности русского литературного языка; 3) давали (и дают) наиболее яркие примеры связи двух способов – морфологического и семантического: *проход*

– а) процесс по действию, б) результат действия, в) место действия; *корм* – а) процесс по действию, б) объект действия и т.д.; 4) именно в сфере нулевых производных развилась обратная соотнесенность: *работа* ← *работать*, *накостник* ← *накостничать*; 5) для имен этого типа был характерен родовой параллелизм: *проток* – *протока*, *завес* – *завеса* и т.д.

Нулевые образования в современном русском языке обнаруживают чрезвычайную продуктивность в области создания словообразовательных типов, причем, как отглагольных, так и именных.

Бодуэн де Куртенэ четко различает морфемы корневые и „прибавочные, приставочные” – аффиксы, которые могут быть или „представками”, префиксами, занимающими место перед корневой морфемой, или же „послелогоми” – постфиксами, следующими за корневой морфемой [3, с. 101]. Он дает понять, что корневые морфемы, а значит, основы слова обладают всеми свойствами морфемы, они функционируют в слове как целостное, неделимое морфологическое единство. В процессах формо- и словообразования основа столь же „полиморфна” [4, с. 183], многовидна в пределах каждого языкового мышления, как и аффикс, т.е. представлена в словах или словоформах комплексом фонетических вариантов. Вопреки мнению одного из ведущих современных словообразователей А. Н. Тихонова, не согласного с точкой зрения Бодуэна де Куртенэ относительно рассмотрения основы слова в качестве морфемы [15, с. 40], казанские лингвисты поддерживают польского ученого и слова типа *уч-и-тель-ство* рассматривают как сложное, целостное единство [2, с. 103], утверждая, что „основа слова (в системе словообразования и формообразования) обладает всеми свойствами морфемы. При этом обращается внимание на то, что одноморфемная основа не отличается в функциональном отношении от основы многоморфемной (например: *со-автор* и *со-ученик*)” [2, с. 104].

Авторы монографии *Русское словообразование* рассматривают основу и аффикс как „функциональные морфемы”, которые могут состоять из одной или нескольких генетических структурно-семантических единиц (т.е. морфем в традиционном смысле). „Первые являются объектом словообразовательного анализа, вторые – морфемного” [2, с. 105].

Как видим, учение о морфеме не потеряло своей актуальности и сегодня, составляя фундаментальную основу для современных

изысканий ученых, в том числе и в первую очередь, казанских исследователей, которые продолжают и преумножают традиции Казанской лингвистической школы, основателем которой был Бодуэн де Куртенэ.

Литература

1. Анастасиев А. И., *Морфологический анализ слова*, Оттиск из „Филологических записок”, Воронеж 1885–1887.
2. Балалыкина Э. А., Николаев Г. А., *Русское словообразование*, Казань 1985.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А., *Избранные труды по общему языкознанию*, т.1, Москва 1963.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А., *Избранные труды по общему языкознанию*, т. 2, Москва 1963.
5. Vosak J., *Východiská morfémovej analýzy*, Bratislava 1985.
6. Лопатин В. В., *Нулевая аффиксация в системе русского словообразования*, „Вопросы языкознания”, 1961, № 1.
7. Марков В. М., *Проблема формирования самостоятельных морфем на основе противопоставления фонетических вариантов*, [в:] *Вопросы грамматического строя русского языка*, Казань 1970.
8. Марков В. М., *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1974.
9. Марков В. М., *Явления суффиксальной синонимии в языке Судебников XV-XVI вв.*, [в:] „Ученые записки КГУ”, т. 116, кн. 1, 1956.
10. Марков В. М., *Явления нулевой суффиксации в русском языке*, [в:] *Тезисы докладов межвузовской конференции по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя*, Ленинград 1961.
11. Марков В. М., Николаев Г.А., *Некоторые вопросы теории русского словообразования*, [в:] *Именное словообразование русского языка*, Казань 1976.
12. Маслов Ю. С., *О некоторых расхождении в понимании термина „морфема”*, [в:] *Проблемы языкознания. Ученые записки ЛГУ*, Вып. 60, Ленинград 1961, с. 140; Климов Г. А., *Фонемы*

- и морфемы (к проблеме лингвистических единиц)*, Москва 1967, с. 59; Николаев Г. А., *Вопросы теории словообразования*, „Slavia Orientalis”, 1978, nr 3, R. 21-22, s. 421.
13. *Русский деривационный словарь*, Нью-Йорк 1970; *Обратный морфематический словарь чешского языка*, под ред. Е. Славичковой, Прага 1975; Оливериус З. Ф., *Морфемы русского языка. Частотный словарь*, изд. Карловый университет 1976; *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*, red. J. Filipce - F. Danes, Praha 1978 и др.
 14. Николаева Т. М., *Проблема морфемы в трудах Бодуэна де Куртенэ*, [в:] *Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика*, Казань 1989, с. 63-67.
 15. Тихонов А. Н., *Морфема как значимая единица слова*, „Филологические записки”, Вып. 6, Москва 1971.
 16. Шанский Н. М., *Очерки по русскому словообразованию и лексикологии*, Москва 1959.
 17. Jakobson R., *The phonemic and grammatical aspects of language in their interrelations. Selected Writings*, II, 1949.